

Суббота, 7-е августа, 1971 год.

Он проснулся в темноте. В начале августа в комнате, в которой его запирали, было слишком душно. Хотя, наверное, у него просто был жар. У него всегда поднималась температура на следующее утро. Раньше его запирали в комнате с окном, но несколько месяцев назад он умудрился разбить его, и только благодаря железной решетке не сбежал. Он слышал, как они говорили о том, чтобы начать его связывать, когда повзрослеет. Он старался не думать об этом.

Он помнил чувство голода. Оно было таким сильным, что превращалось в ярость. Он помнил, как выл и хотел выбраться наружу, наматывая круги по комнате снова и снова. Может, ему разрешат пропустить уроки сегодня, и он сможет поспать? Сейчас всё равно был разгар летних каникул, и это было так несправедливо, что ему приходилось учиться, пока всем остальным ребятам разрешали валять дурака, играть в футбол или смотреть телевизор. Он сел на пол и осторожно потянулся, сконцентрировавшись на боли и хрусте в суставах. Он обнаружил свежую царапину от когтей за левым ухом и глубокий укус на правом бедре.

Он провел рукой по волосам, которые были очень коротко подстрижены, настолько коротко, что скорее напоминали щетину. Он ненавидел её, но у всех ребят в приюте была такая же ужасная стрижка. Она означала, что, когда им разрешат выйти в город на выходных, все будут знать, что это дети из приюта Святого Эдмунда — наверное, их так и стригли, чтобы продавцы в магазинах знали, за кем нужно следить особенно пристально. Хотя нельзя было сказать, что сами они делали хоть что-нибудь, чтобы опровергнуть подобные суждения. Детям так часто твердили, что они отбросы общества; брошенные и ненужные — почему бы тогда и не навести немного шума?

Римус услышал шаги в конце коридора. Это была Надзирательница; он чувствовал её запах, слышал стук её сердца. После каждого «эпизода» его чувствительность обострялась до предела. Он поднялся на ноги, укутался в плед, несмотря на жару, и подошёл к двери, чтобы лучше слышать. Она была не одна, с ней был какой-то мужчина. Он пах старостью и... чем-то иным. Этот густой медный запах отдаленно напоминал Римусу отца. Так пахла магия.

— Вы уверены, что не тратите время зря? — спросила Надзирательница незнакомца. — Он ведь правда один из самых трудных случаев.

— О да, — ответил старик. У него был глубокий и тёплый голос. — Мы абсолютно уверены. Это здесь вы его держите, когда он...?

— Когда случаются его эпизоды, — закончила Надзирательница своим резким, грубым голосом. — Для его же безопасности. Он начал кусаться со своего прошлого дня рождения.

— Понятно, — ответил мужчина, но его голос звучал больше задумчиво, чем обеспокоенно. — Могу я спросить, мадам, что вы знаете о недуге этого молодого человека?

— Всё, что мне нужно знать, — холодно ответила Надзирательница. — Он живет здесь с пяти лет. И он всегда был трудным ребенком — и не только потому что он один из ваших.

— Наших? — спокойно переспросил мужчина. Надзирательница понизила голос практически до шепота, но Римус всё равно слышал её.

— Мой брат был одним из вас. Конечно, я не видела его несколько лет, но время от времени он просит меня об одолжениях. Приют Святого Эдмунда — это особенное место. Мы созданы для трудных случаев, — Римус услышал звон ключей. — Так, сначала я сама его осмотрю. Зачастую его приходится бинтовать. Да и вообще я не понимаю, зачем вы захотели увидеть его после полнолуния, если уже всё знаете.

Старик не ответил, и Надзирательница подошла к комнате Римуса, звонко цокая каблуками по каменному полу. Она постучала в дверь три раза.

— Люпин? Ты не спишь?

— Нет, — ответил он, плотнее завернувшись в плед. Они забирали у него одежду, чтобы он её не порвал.

— Нет, Надзирательница, — поправила она его через дверь.

— Нет, Надзирательница, — пробормотал Римус, пока ключ поворачивался в замке со скрипом. Дверь была сделана из обычного дерева, и он знал, что с лёгкостью мог разнести её в щепки в один из своих эпизодов, но после инцидента с окном в дверь вставили серебряные пластины. От одного только запаха серебра его мучило, и голова начинала гудеть. Дверь открылась. Свет разлился по комнате, словно вода, почти ослепив его. Когда Надзирательница вошла в комнату, он машинально сделал шаг назад.

Это была невысокая угловатая женщина с длинным тонким носом и тёмными блестящими глазами. Она настороженно окинула его взглядом.

— Нужны бинты в этот раз?

Он показал свои раны. Они больше не кровили; он заметил, что повреждения, которые он наносил себе сам, заживали быстрее, чем любые другие порезы и царапины, хоть и были глубокими. Его даже ни разу не зашивали. Правда, ни один шрам не исчез, оставшись на его теле серебристыми полосами. Надзирательница присела рядом с ним на колени и обработала раны антисептиком, прежде чем замотать грубым бинтом. Покончив с этим, она подала ему одежду и смотрела, пока он торопливо одевался.

— У тебя посетитель, — наконец сказала она, когда он натягивал футболку через голову. Серую, как и вся их одежда.

— Кто? — спросил он, глядя ей прямо в глаза, потому что знал, что ей это не нравилось.

— Учитель. Он пришел поговорить с тобой о школе.

— Не хочу, — ответил он. Он ненавидел школу. — Скажите, чтобы проваливал.

Надзирательница шлёпнула его по уху. Это было ожидаемо, поэтому он даже не дернулся.

— Придержи язык, — рявкнула она. — Ты будешь делать, что тебе говорят, иначе я запру тебя здесь до конца дня. Иди давай! — она схватила его за руку и потянула вперёд.

Он скривился и хотел вырваться, но в этом не было смысла. Она правда могла запереть его снова, да и было любопытно посмотреть на незнакомца. Особенно когда запах магии усилился по мере их продвижения по темному коридору.

Ожидающий их довольно высокий мужчина был одет в самый странный костюм, который Римус когда-либо видел — из темно-бордового бархата со сложным золотым узором на манжетах и воротнике. Должно быть, человек был очень старым — его волосы были белыми как снег, а невероятно длинная белая борода доходила до пояса. Несмотря на странность мужчины, Римус не чувствовал себя напуганным, как это обычно бывало у него с большинством взрослых людей. У незнакомца были добрые глаза, и он улыбался Римусу, глядя сквозь очки в форме полумесяцев. Затем протянул руку.

— Мистер Люпин, — тепло сказал старик, — приятно познакомиться.

Римус зачарованно уставился на него. Никто никогда не обращался к нему так уважительно. Ему почему-то стало стыдно. Он пожал протянутую руку, чувствуя легкий удар тока от прикосновения.

— Здравсьте, — ответил он, всё ещё пялясь на мужчину.

— Я профессор Дамблдор. Хотел попросить вас составить мне компанию на прогулке по владениям приюта. Погода сегодня просто чудесная.

Римус бросил взгляд на Надзирательницу, та кивнула в ответ. Уже это стоило того, чтобы поговорить с незнакомцем в странном наряде — она никогда не выпускала его в полнолуние, даже под надзором.

Они вдвоём прошли несколько пустых коридоров. Римус был уверен, что никогда раньше не видел Дамблдора в приюте, но тот прекрасно здесь ориентировался. Как только они наконец вышли на улицу, Римус сделал глубокий вдох, чувствуя тепло солнечного света на коже. «Владения», как назвал их Дамблдор, были не такими уж роскошными. Кусок земли, заросший желтой травой, где ребята играли в футбол, и небольшая терраса, сквозь щели в полу которой тоже пробивалась трава.

— Как вы себя чувствуете, мистер Люпин? — спросил старик. Римус молча пожал плечами. Он чувствовал себя точно так же, как и всегда на следующий день. Болезненно и беспокойно. Дамблдор никак не прокомментировал его отчуждённость и продолжал улыбаться, пока они шли вдоль забора.

— Что вам нужно? — наконец спросил Римус, пинком убирая с дороги камень.

— Подозреваю, что у вас есть мысли на этот счёт, — ответил Дамблдор. Он сунул руку в карман и достал коричневый бумажный пакет. Римус почувствовал запах лимонного щербета, и мгновение спустя Дамблдор предложил ему угощение. Он взял конфету и положил в рот.

— У вас есть магия, — прямо сказал он. — Как у моего отца.

— Вы помните своего отца, Римус?

Он снова пожал плечами. Он помнил его не слишком хорошо: высокая худая фигура человека в плаще, который плакал, стоя над ним — вот, пожалуй, и всё. Он думал, что это была та ночь, когда его укусили. Уж её-то он точно помнил.

— У него была магия, — сказал Римус. — Он мог делать разные штуки. Мама была нормальной.

Дамблдор снова доброжелательно улыбнулся:

— Это то, что сказала вам Надзирательница?

— Не всё. Что-то я уже знал. Всё равно он умер. Прикончил себя.

Дамблдор выглядел слегка удивленным, что порадовало Римуса. Трагическое прошлое было предметом его тайной гордости. Он не особо часто думал о своем отце, лишь в тех случаях, когда размышлял, убил бы тот себя, если бы Римуса не укусили. Он продолжил рассказ:

— Мама вот жива. Просто не захотела со мной жить. Поэтому я здесь, — он огляделся. Дамблдор остановился. Они дошли до самого дальнего конца территории и стояли на задах у высокого забора. Одна доска в нем отходила, но никто об этом не знал. Римус всегда мог пролезть через неё и выйти на главную дорогу, ведущую в город. Он никогда не уходил с какой-то определенной целью; просто шлялся туда-сюда и ждал, пока его найдет полиция и приведет обратно. Это было лучше, чем безделье.

— Вам здесь нравится? — спросил Дамблдор. Римус фыркнул:

— Конечно, блин, не нравится, — он покосился на Дамблдора, но тот и ухом не повёл.

— Да, я так и думал, — заметил старик. — Мне сказали, вы трудный ребенок. Это правда?

— Ну уж не хуже других, — сказал Римус. — Мы все трудные дети.

— Хорошо, я понял, — Дамблдор задумчиво погладил бороду, как будто Римус сказал что-то крайне важное.

— Есть ещё конфеты? — Римус с надеждой протянул руку. Дамблдор протянул ему весь пакет, и Римус не мог поверить своему счастью. Старый дурак был полнейшей тряпкой. На этот раз он выбрал леденец, чувствуя, как он трескается, словно стекло, между зубами, и на языке фейерверком взрывается сладкий вкус.

— Вообще, я руковожу школой. Той школой, в которой учился ваш отец.

Это сбило Римуса с толку. Он проглотил сладкую слюну и почесал голову. Дамблдор продолжил:

— Это особенная школа. Для волшебников, как я. И как вы. Вы хотели бы научиться магии, Римус?

Римус резко покачал головой.

— Я слишком тупой, — твердо сказал он. — Я не поступлю.

— Я уверен, что это неправда.

— Спросите её, — Римус мотнул головой в сторону высокого серого здания, где его ждала Надзирательница. — Я даже читать не умею. Я идиот.

Дамблдор довольно долго на него смотрел.

— У вас был не самый легкий старт в жизни, мистер Люпин, мне очень жаль. Я знал вашего отца — совсем немного — и я уверен, что он не хотел бы... Как бы там ни было, я здесь, чтобы предложить вам кое-что другое. Предложить вам место среди таких, как вы, и, возможно, способ справиться со всей той злостью, что скопилась в вас.

Римус уставился на него. Какая разница, в каком он живет приюте? Надзирательница никогда не давала ему сладкого. Дети в школе Дамблдора вряд ли были хуже, чем те, что в приюте, а даже если хуже, то Римус в любом случае сумеет за себя постоять. Но. Во всем всегда существует «но».

— Но что насчет моих эпизодов? — спросил он, складывая руки на груди. — Я опасен, вы знаете.

— Да, Римус, я знаю, — с грустью ответил Дамблдор. Очень осторожно он положил руку Римусу на плечо. — Мы посмотрим, что с этим можно сделать. Положитесь на меня.

Римус сбросил его руку и положил в рот ещё один лимонный щербет. В полном молчании они вернулись к зданию, довольные тем, что поняли друг друга.

<http://tl.rulate.ru/book/59042/1561022>